ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

К.А. Павлов

О КОНЦЕПЦИЯХ ЛОГИКИ И СМЫСЛЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ «ЛОГИЧЕСКИХ РАССУЖДЕНИЙ»

Одним из центральных понятий науки логики по праву считается идея логического следования, а одной из главных ее характеристик – способность логического следования «сохранять истину». В оправдание такой точки зрения можно привести достаточно много резонов. Тем не менее есть основания считать, что у логики есть еще и иная функция – *изменение* представлений об «истине». Исконной задачей идеи «последовательного рассуждения» является *критика* наличных представлений и способов рассуждения. Если учесть, однако, что большинство областей человеческого знания ориентировано на поиск истины, а не на одно лишь сохранение имеющихся интуиций, то еще не известно, что является наиболее аутентичной задачей логики: *сохранение* определенных аспектов «истины», доступных в данный момент для понимания, или же логически последовательное *формирование* новых форм интуирования исследуемых вещей. Как тут быть? Может ли одна и та же наука сочетать в себе столь разнородные функции? История человеческой мысли показывает, что изменения в логике рассуждений всегда приводили к революционным трансформациям в области, казалось бы, самых незыблемых и фундаментальных пластов человеческого (само)понимания. Это обстоятельство нельзя сбрасывать со счетов. Но, с другой стороны, определенного рода парадокс в том и заключается, что самые радикальные преобразования зачастую совершались методом последовательного логического анализа, т. е. с опорой на идею «сохранения истины» на каждом шаге при совершении логических операций. Эта ситуация напоминает «парадокс» кучи[1]. Локально, т. е. в пределах обозримости конечной человеческой интуицией (способной обозревать лишь конечные смысловые образования), логическое следование представляется «сохраняющим» исходную систему интуиций (и, соответственно, сохраняющим «истину»). Тем не менее отдаленные логические следствия, рассмотренные в целокупности, свидетельствуют о непредвиденных трансформациях, происходящих с интуициями исследователя[2]. На мой взгляд, имеются веские основания всерьез рассмотреть гипотезу о том, что нечто вроде «парадокса» кучи имманентно присуще природе «логических рассуждений». Однако такое предположение повлекло бы за собой необходимость пересмотра ряда характеристик логики, обладание которыми (или отсутствие которых у логики), как правило, считается несомненным.

---

[1] Этот парадокс, или, скорее, апория, изобретенная Эвбулидом, указывает на размытость понятия «кучи», вследствие чего оказывается невозможным точно обозначить тот момент, когда совокупность песчинок становится (или перестает быть) кучей.

[2] В книге «Проблемно-ориентированный подход к науке» один из авторов упоминает следующее: «По этому поводу хорошо сказал Декарт: когда я читаю математические доказательства, мне кажется, что меня водят за нос: на каждом шаге я ничего нового не получаю, а в результате получается совершенно неожиданный результат» (Проблемно-ориентированный подход к науке. Новосибирск, 2001. С. 63).

Во-первых, необходимо будет обратить внимание на понятие универсальности, ассоциируемое с самой идеей логики. Фактически эффекты типа «парадокса» кучи указывают на то, что понятие неограниченной дедукции (неявно подразумеваемое современной логистикой, т. е. математической логикой[3]) является бессмысленным в силу того, что действенность (той или иной) «логики» всякий раз оказывается ограниченной конечным смысловым полем. Экстраполяция дедуктивных шагов за границы этого поля является либо бессодержательной, либо и вовсе противоречивой, ибо за границей одного смыслового поля, конституированного одним типом логичности, может располагаться другой тип осмысленности, предполагающий другой тип логических рассуждений. Но это означает, далее, и то, что логику нельзя понимать как «универсальную абстракцию», независящую от содержания (как выражаются современные логики), ибо это скорее определенный процесс организации и выстраивания смысла той или иной конкретной ситуации. «Логика» не дана заранее в виде вне-временного шаблона, как считают приверженцы логического платонизма. Логичность рассуждений достигается не за счет их подгонки под некий «образец», а за счет корректно проводимого анализа, в процессе которого выстраиваются (конструируются) логические звенья, связующие целостный контекст ситуации с его (постепенно конкретизируемыми посредством анализа) фрагментарными составляющими. В процессе анализа недо-определенные значения смысловых элементов получают дополнительную смысловую определенность, а топология понятийных взаимосвязей трансформируется, уточняется и приводится в *максимально доступное (на данный момент) соответствие со смыслом* ситуации в целом. «Градиент» этих изменений, определяющий направление и форму их осуществления, как раз и формирует нечто такое, что имело бы смысл называть «логикой» рассуждений о данной ситуации.

Иными словами, принятие во внимание некоторых интуитивно прозрачных и исторически фиксируемых эффектов, связанных с понятиями логического следования и логической дедукции, заставляет вновь обратиться к вопросу о логическом статусе таких понятий, как контекст, смысл, содержание, знак, истинность и форма логических рассуждений. В первую очередь представляется осмысленным разобраться с уже существующими, явными и неявными предпосылками современного понимания существа логики. В этом деле, на мой взгляд, полезно будет поразмыслить над идеей компьютерного (а не только лишь чисто теоретического) моделирования процессов логического рассуждения; к этому вопросу мы обратимся во второй части статьи, после того как разберем некоторые презумпции современных логических исследований.

1. Логика versus логические рассуждения

Предпосылка субстантивации. Вопрос «что такое логика?» многие считают одним из главных вопросов современной философии логики[4]. Нетрудно видеть, однако, что формулировка этого вопроса тянет за собой ряд

[3] Об этом, в частности, свидетельствует то, что ситуация «всеведения» опознается современными логиками как «парадокс». То обстоятельство, что различие между логикой и логистикой ныне практически стерлось, говорит о значительном сужении объема понятия «логика».

[4] См. об этом, например: *Карпенко А.С.* Современное состояние исследований в философской логике // Логические исследования. М., 2003. С. 61–93; а также: *Целищев В.В.* Нормативность дедуктивного дискурса. Новосибирск, 2004.

определенных предпосылок, одну из которых можно обозначить как предпосылку субстантивации. Логика – это некое «что». Вопрос «что такое логика?» подразумевает ответное указание на это «что» (т. е. указание на подходящую «субстанцию»). Те интуиции, которые подспудно влияют на формулировку вопроса о логике, соответствующим же образом предопределяют форму ответа на поставленный вопрос. Традиционные подходы к разрешению этого вопроса, как правило, предполагают указание на идею логической системы, статус собственного существования которой обычно молчаливо обходится стороной.

Выходит, что субстанция логики – это некая система(ы), структура(ы) которая допускает возможность своего артикулированного проявления в речи, в «логосе». Последнее обстоятельство обычно понимается так, как если бы возможность артикуляции была равносильна возможности *знакового воплощения* той или иной системы логики в фиксированном и не требующим дальнейших изменений виде (допущение, являющееся отнюдь не очевидным). Поэтому в конечном итоге предпочитают заниматься вопросом о том, *как* адекватно воплотить логику в той или иной системе знаков, обходя стороной вопрос о том, насколько и в каких границах вообще осмысленна сама эта процедура.

Как бы ни звучал правильный ответ на вопрос об «адекватном» воплощении логики в той или иной системе знаков, имеет смысл вернуться к самому началу, – к условиям осмысленности самого этого вопроса, – и спросить: исходя из каких соображений считают заранее известным, что природа «логики» должна иметь характер некоторой фиксированной «чтойности» (quidditas)[5]? Предопределено ли это замыслом этой науки? Или чем-то еще? На мой взгляд, все эти вопросы имеют скорее отрицательный, чем положительный ответ. И поэтому, если и существуют какие-то основания задаваться подобными вопросами, то их следовало бы заменить другими, более аккуратно сформулированными, а именно: *при каких условиях* мы имеем право говорить о возможности субстантивации логики? При каких условиях мы имеем право говорить о формальных системах как о «субстанции» логики? И до тех пор пока у нас нет четкого представления о существе логики, вопрос о ней следует удерживать в его изначальной не-пред-определенности какими бы то ни было конкретными формами его разрешения.

Но даже если и предположить на мгновение, что условия возможности субстантивации нам уже известны и что формальные знаковые системы могут играть роль «логических субстанций», то и в этом случае остается не разъясненной следующая трудность: на каких основаниях мы приписываем статус «логичности» именно этим, а не иным формальным системам? Что делает «логические системы» логическими? Обычно отвечают на это так: особого рода формы. Но вопрос следует повторить: что именно делает эти (а не иные) формы логическими? Здесь иногда начинают говорить о специфических видах инвариантности, выделяющих «логические формы» среди прочих (не-логических) форм. Но и тут мы повторяем свой вопрос: почему именно идея инвариантности воплощает собой существо логичности, а не что-то иное?

Подобную череду вопросов и ответов можно продолжать довольно долго, однако в конечном итоге, на мой взгляд, она завершится необходимостью дать следующий ответ: источником логичности является специфическая при-

[5] См. растолкование сути этого схоластического термина, связанного с понятием «сущность» (essentia), и значимость его для всей последующей философии в кн.: *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. С. 110.

частность «логических форм» (и формально логических систем) к человеческим рассуждениям. В чем же специфичность этой причастности? А в том, что логические построения должны реализовать определенные формы человеческих рассуждений, которые можно было бы классифицировать как *необходимо правильные*. Не просто «правильные» в силу той или иной нормы, или традиции, или конвенции, или интуиции, а необходимо правильные, т. е. правильные в силу независящей от человеческого произвола необходимости, природу которой и призвана осветить наука логики.

Сформулированная нами задача логики проистекает, главным образом, из понятия силлогизма – центрального понятия логики, которое Аристотель определял так: «силлогизм же есть речь (λόγος), в которой, если нечто предположено, то *с необходимостью вытекает* нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть»[6]. Что это за «необходимость» и как следует понимать ее «независимость от» человеческих произвольностей? Это должно быть не просто декларировано, а еще и логически же *обосновано;* т. е. так обосновано, чтобы смысл данного обоснования в точности соответствовал тем смыслам «необходимости» и «независимости от произвола», которые и будут добыты логикой в процессе теоретической разработки этих понятий. В противном случае мы так и останемся при чисто психологических интерпретациях понятия «необходимость». Окажется ли искомая «необходимость» творением самой Природы, или Бога, или же изобретением человеческого интеллекта, подверженного радикальным изменениям; окажется ли оно чем-то вне-временным, платонистским, формалистическим или же чем-то неформализуемым, неустранимо зависящим от прихотей человеческого сознания – всё это необходимо выяснять в процессе исследования, а не предполагать заранее и не строить логические исследования, исходя из готовых предпосылок.

Заметим, между прочим, что проблема соотношения «логики» и «логических рассуждений» имеет не только давнюю историю, но и является частным аспектом более широкого вопроса. Эта проблема восходит к вопросу о критике «платонизма» как такового, во всей своей силе обнаруживаемого у «позднего» Платона и у Аристотеля[7]. К примеру, весь тринадцатый параграф 6-й главы «Никомаховой этики» посвящен у Аристотеля обсуждению именно этого вопроса. Аристотель так и формулирует задачу: необходимо понять, почему «благодаря [одному только] знанию того, что [правосудно, добродетельно и прекрасно], мы ничуть не способнее к осуществлению такого в поступках (поскольку добродетели суть склады [души]), точно также как не [становятся здоровее и закаленнее], зная, что такое «здоровое» и «закалка», (1143b 20). И далее: «Таким образом, если Сократ думал, что добродетели – это [верные] суждения (λόγοι) (потому что, [по его мнению], все они представляют собою знания), то мы считаем, что они лишь причастны [верному] суждению» (1144b 25).

Значительно позже аналогичное различие было тематизировано Кантом: он говорил, в частности, о необходимости различения между знанием философских учений, изложенным в учебниках, и самостоятельным «умением философствовать». Суть этого различия можно проиллюстрировать довольно простыми соображениями. Зададимся следующими вопросами. В каком

---

6 *Аристотель*. Собр. соч. Т. 2. М., 1978. Первая аналитика. I, 1, 15–20b.

7 Критика «платонизма» Аристотелем заключается в том, что «платонизм» оставляет без ответа вопрос, каким образом вне-временные «идеи» становятся причиной соответствующей оформленности вещей, событий. Об этом же рассуждает и Платон в своем «Софисте».

смысле можно утверждать, что некто «знает», что такое мысль, но при этом не умеет мыслить? Можно ли «знать», что такое философия, но не уметь философствовать? Можно ли «знать», что такое логика, но не уметь логически рассуждать? Все эти вопросы, по-видимому, предполагают один и тот же ответ: нет. Сама постановка вопросов свидетельствует о том, что в них перепутаны причина и следствие, поскольку слово «знать» (т. е. понятие «знания») используется в отрыве от соответствующего умения. Подлинное «знание» философии является следствием умения философствовать, а не наоборот, ибо в ином случае становится неясным, о каком знании может идти речь. Соответственно, умение философствовать (мыслить, рассуждать) является причиной соответствующего «знания». «Знание», оторванное от умения осуществлять то, что этим знанием предполагается, является псевдо-знанием, как сказали бы греки.

Недоразумение, которое может возникать из-за смешения «причины» и «следствия», тем не менее до сих пор руководит теми, кто пытается воплотить логику в формальных (знаковых) системах, т. е. подменить способность логически рассуждать – неким логическим компендиумом, сводом логических законов, в котором содержалась бы система всех логических систем[8]. Фактически же происходит изъятие логики из ее собственных условий возможности. Отождествляя логику с логикой формализованной, упускают из виду, что систематически изложенная (формальная) логика – это лишь *часть* ответа на вопрос о том, что являет собой природа логических рассуждений. Другую часть искомого ответа следует искать в рассмотрении проблемы *действительного осуществления* «логических рассуждений», природу которых невозможно редуцировать к одним лишь только *системам знаков*, (якобы) воплощающих собою всё то, что нужно для умения логически рассуждать.

«Логика» есть следствие умения «рассуждать логически», и это подтверждается тем, что логически рассуждать умели уже давно, но особым предметом внимания это стало только со времен работ Платона и Аристотеля. Однако тонкость заключается в том, что Аристотель сделал предметом своего внимания именно «логические рассуждения» (ведь понятие силлогизма является «атомарной формой» именно *рассуждения*), а не некую «логику». Что касается «логики» (ἡ λογική), то Аристотель не употреблял такого слова в своих работах. Уметь логически рассуждать – это не просто быть осведомленным относительно чего-то, называемого «логикой». Видимо, поэтому у Аристотеля не было слова «логика», но было слово «логически» (λογικῶς)[9]. Аристотель прекрасно понимал, что, подменяя вопрос о логических рассуждениях вопросом об *эйдосе* логических рассуждений (т. е. как раз тем, что сегодня называют «формальной логикой» или, точнее, логистикой), мы, скорее всего, изначально выбираем ложный путь. О том, что позиция Аристотеля в отношении понятия «логика» была бы именно такова, свидетельствует не только его критика сократовских положений[10], но и «энергийный» смысл источника всякой истинности, который соотносится Аристотелем с идеей «мыслящего самого себя ума».

---

[8] См. например: *Sher G*. Logical Consequence: An Epistemic Outlook // Monist. 2002. А также *Целищев В.В.* Нормативность дедуктивного дискурса. Новосибирск, 2004. То же затруднение упоминается в книге «Проблемно-ориентированный подход к науке», где один из авторов задается аналогичным вопросом: «Пусть у нас есть энциклопедия в миллион томов, в которой содержится все знание. Нам нужно решить физическую проблему. Что нам делать, хотя у нас все знание под рукой?» (Цит. соч. С. 64).

[9] См. об этом: *Орлов Е.В*. Кафолическое в теоретической философии Аристотеля. Новосибирск, 1996. С. 86.

[10] *Аристотель*. Собр. соч. Т. 4. М., 1978.

Некоторые причины и следствия «логического платонизма». Вопрос о соотношении «логики» и «логических рассуждений» до сих пор является одной из основных трудностей философии логики. Априори можно считать равновероятными две позиции в отношении понятия логики – платонистскую и не-платонистскую.

С одной стороны, можно считать, что причиной логичности логических рассуждений (т. е. той самой необходимостью, которая их конституирует) является некая «логика» (т. е. эйдос, или «платоновская идея» логических рассуждений), которая существует «сама по себе», словно некий вне-временный шаблон, вне-временный образец логичности, делающий логичным всё то, что принимает его форму. Сторонники такого понимания логики предпочитают увязнуть во всех парадоксах платонизма, скептических парадоксах и т. п., лишь бы не покидать надежную, как им кажется, почву «объективизма».

Но существует и иная позиция, – которой мы и будем держаться, – предполагающая, что за словом «логика» скрывается лишь субстантивированный момент, полученный абстрагированием от идеи «логического рассуждения». Наше наблюдение о неустранимой значимости понятия «рассуждение» для понятия «логика» указывает на то, что вопрос «что такое логика?» является вторичным по отношению к вопросу «что такое логическое рассуждение?». Единственным источником, откуда черпает свой смысл понятие логики, является понятие логического рассуждения, а не наоборот. Этот подход, как мне кажется, не только восстанавливает исходный замысел логики, как он складывался у Платона и Аристотеля[11], но и раскрывает новые интересные исследовательские перспективы (как чисто философского плана, так и имеющие отношение к проблеме компьютерного моделирования человеческого мышления).

Склонность исследователей по логике принимать «платонистский», а не противоположный вариант основана, в частности, на одной «объективистской» уловке. Дело в том, что первичность логических рассуждений, а не «логики», с необходимостью вынуждает принять во внимание идею *субъекта* «логических рассуждений». Действительно, можно показать, что при таком подходе там, где нет разумного субъекта, способного рассуждать, нет и никакой логики. Призрак психологизма заставляет бежать от такой постановки вопроса, поскольку некоторым исследователям кажется, что принятие во внимание особенностей устройства субъекта с необходимостью влечет за собой «субъективацию» логики и, тем самым, ее психологизацию.

Однако апелляция к не-объективности является сомнительным аргументом против исключения понятия субъекта из логической проблематики: «необъективное» еще не значит «не-строгое», и уж тем более не значит «психологическое». Строгость рассуждений может достигаться отнюдь не только средствами объективистской метафизики, которая после Декарта стала казаться эталоном строгости всякого мета-теоретического рассуждения. Своеобразная эталонность картезианской метафизики, сомнение в которой при исследовании ряда логических вопросов ныне кажется «немыслимым», говорит лишь о том, что она превратилась в миф. Если прибегнуть к известному сравнению, то объективистскую метафизику можно сравнить с «глазом», который не видит себя и не знает, что его определенное устройство вполне

[11] Эту мысль определенно высказывает М.Хайдеггер: «<изначальная логика> была продемонстрирована… Платоном и Аристотелем. После них понятие логики было основательно засорено и его понимание было утрачено» (*Хайдеггер М.* Пролегомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С. 8).

определенным образом влияет и на то, *что* он видит – т. е. влияет на ответ на вопрос «*что значит* видеть?». Этому «глазу» кажется, что то, как *он* видит, и есть «ви*д*ение вообще», «ви*д*ение как таковое», не допускающее никакой альтернативы.

Помимо сказанного, нужно иметь в виду, что объективистская позиция приводит и к другой крайности. А именно, под «логикой» начинают понимать всё что угодно: любую структурированную вещь (т. е. структурированный феномен или структурированный процесс). Уловка языка, вынуждающая так считать, заключается в следующем: вместо «структура вещи» начинают говорить – логика вещи, или же логика устройства вещи. Так на свет появляются следующие словосочетания: логика мифа, логика поведения животных, логика вещей, логика истории, логика безумия, логика развития и т. п. Необходимо понимать, что это всё такие же *метафоры*, как и словосочетания типа «*поэзия* элементарных частиц» или «*романтика* природных явлений». Ни в вещах, ни в предметах, ни в объектах, ни в процессах «самих по себе» нет и, по определению, не может быть никакой логики (как не может быть ни романтики, ни поэзии). Там есть структуры – физические, мифические, математические, исторические, биологические, социальные и т. п. Теоретически нейтральное слово «структура» здесь уместно потому, что оно указывает лишь на тот факт, что в том или ином случае мы имеем дело с некоторым типом упорядоченности, т. е. перед нами не «хаос», а нечто устойчиво устроенное. Но если уж мы хотим усмотреть некую логику, то необходимо рассмотреть исследуемую ситуацию в контексте ее связи с рассуждающим *субъектом*, нуждающимся в *обосновании* своих теоретических рассуждений. Только при этих обстоятельствах мы и получаем возможность говорить о «логических рассуждениях», релевантных для данного случая.

Не-субстанциальное понимание логики. Таким образом, мы приходим к одному важному предположению относительно природы «логики». То, что следует связывать с понятием «логика», есть модус бытия разумного существа, озадаченного вопросом об источнике и смысле правильности собственных рассуждений, связанных с какой-либо определенной исследовательской ситуацией. Логика имеет смысл «логики» только в таком контексте. Логика – это всегда логика тематически рассуждающего субъекта, ориентированного на определенное поле смыслов. Вопрос о том, следует ли отсюда, что логика допускает возможность своей «объективации» или же «субстантивации», требует дополнительного прояснения.

С учетом сказанного (о неявно подразумеваемой возможности субстантивации логики) наше предположение, альтернативное «классическому» пониманию логики, означает, что мы находимся перед следующим (мета) теоретическим выбором. 1) С одной стороны, имеется возможность понимать логику «субстанциально», в платонистском, вне-временном горизонте. 2) С другой стороны, возможно понимание логики как творческой, конструктивной деятельности, укорененной в онтологии субъекта, идея которого вовсе не обязана быть ограниченной вне-временными онтологическими перспективами. Это различие существенным образом влияет на понимание существа не только логики, но и логических рассуждений.

Субстанциальное (платонистское) понимание логики приводит к тому, что «логику» необходимо мыслить как «причину» логичности «логических рассуждений», стало быть, логические рассуждения следует понимать как подгонку под универсальный, вне-временный (логический) шаблон, в процессе которой происходит полная элиминация субъектного полюса. Всё субъ-

ектное отбрасывается, подобно строительным лесам, по мере приведения структуры рассуждений к некоей логической норме (см. об этом, например, заключительный абзац «Логико-философского трактата» Витгенштейна). При всех положительных моментах такого понимания логики совершенно неясным остается одно: кто, как и по каким критериям будет производить оценку правильности или неправильности результата подгонки «реальных» рассуждений под «идеальный» образец.

Конструктивное понимание логики обязывает к иному представлению. Во-первых, причиной логичности «логических рассуждений» здесь бессмысленно считать некую вне-временную структуру (как бы она ни называлась – «логика», «логическая форма» или как-то еще). Это было бы то же самое, что утверждать, что причиной физической боли, когда кто-либо ее испытывает, является некая вне-временная, идеальная «субстанция», «боль-сама-по-себе», а не синтетическая совокупность условий возможности боли (ни одна компонента которых сама по себе «болью» не является). Во-вторых, собственно «логическим рассуждением» следовало бы тогда называть деятельность субъекта, имеющую конструктивный (синтетический) характер и направленную на анализ тематизируемого проблемного поля.

В таком случае, конечно же, возникает вопрос о том, по каким критериям мы опознаем, что перед нами действительно логические рассуждения, а не нечто иное. В первую очередь можно указать на одну негативную характеристику. Прибегнем вновь к метафоре «боли». Точно так же, как неверно утверждать, что мы *опознаем* боль, сверяя имеющиеся ощущения с неким вне-временным образцом, репрезентирующим «боль-как-таковую», неверно утверждать и то, что логические рассуждения опознаются подобного рода сверкой. Предполагать существование «идеальных образцов» боли бессмысленно как в отношении *причины* боли, так и в отношении способов ее *опознания*. Но как тогда происходит процесс опознания?

Есть основание считать, что опознание боли (в каждом новом случае) отсылает к предыдущему опыту опознания боли в качестве таковой, а не к вне-временным ее репрезентантам. В частности, это отсылает к самым первым опытам «адекватного» (с точки зрения воспитавшего меня сообщества) использования слова «боль». Сообщество учит осмысленно использовать слово «боль», т. е. фактически оно учит меня *самостоятельному умению осуществлять процедуры смыслополагания*, разделяемые и хранимые данным сообществом. Не следует, однако, путать в данном случае процедуры смыслополагания с соответствующими им физиологическими коррелятами. Необходимость учета этого различия подтверждается, в частности, тем, что одновременно с овладением языком, носители языка научаются притворяться, что чувствуют боль. Не менее значимым обстоятельством является и то, что поэты, мыслители и другие творческие люди постоянно расширяют наши представления о том, что значит «испытывать боль». Это расширение возможно лишь потому, что мы никогда не имеем дело с болью самой по себе (которая якобы независимо ни от чего дает о себе знать именно *так*, а не иначе), а всегда осуществляем процесс опосредования своих «ощущений» определенными процедурами смыслополагания (которые либо достались нам по наследству от воспитавшего нас сообщества, либо оказались изобретенными нашими современниками).

По-видимому, аналогичным образом обстоят дела и с распознанием «логических рассуждений» в качестве таковых. Здесь в игру вступает нечто вроде идеи «семейного сходства», введенной в философию Витгенштейном.

Логические рассуждения в каждом новом случае «логичны» (в частности) потому, что они выполняют функции, максимально «сходные» с теми, которые имели место в ситуациях, когда мы впервые познакомились с примером «логического рассуждения». На мой взгляд, это необходимый, хотя и далеко не достаточный критерий логичности рассуждений. Фактически, каждый раз решая вопрос о том, что такое логика, мы имеем дело с некоторым семейством языковых игр, относительно структур которых нам следует решить, какие именно из них максимально «схожи» с теми структурами, которые исторически первыми были названы логическими структурами. Обнаружение этой схожести, разумеется, не есть лишь вопрос произвольного ее усмотрения, нельзя считать это обнаружение и результатом «свободных ассоциаций». Это, так сказать, задача на «понятийную оптимизацию», которая, однако, далеко не всегда производится корректно, о чем и свидетельствует необозримый список метафорического использования слова «логика». Отсутствие корректности, как правило, является следствием того, что при определении сходства оказываются задействованными лишь поверхностные структуры исследуемых языковых игр. Сходство с логикой тогда оборачивается риторикой или софистикой.

Необозримость способов использования подавляющего большинства слов, видимо, и привела Витгенштейна к мысли о понятийной неуловимости самой идеи «семейного сходства». Разумеется, для него также было очевидно, что апелляция к интуитивному усмотрению сходства смысловых содержаний является бессмысленной, ибо мы тут впадаем в порочный круг. Ситуация, таким образом, действительно могла представляться безнадежной. Всё это даже дало повод С.Крипке интерпретировать тематизированую Витгенштейном проблему (если ее спроецировать на вопрос о «следовании правилу»[12]) как «скептический парадокс».

В чем же заключается трудность, связанная с опознанием семейного сходства? Почему проблемное средоточие ускользает от тематизации? Мне кажется, что испытываемая здесь трудность заключается в склонности считать, что *средства обоснования сами должны быть похожими на обосновываемое.* Это приводит к тому, что сходство «смыслов» пытаются понять, исходя из них самих, т. е. исходя из *готовой* формы понятности, разомкнутой имеющимися смыслами. Очевидно, однако, что здесь возникает порочный круг в объяснении.

Но это-то и наводит на мысль о том, что схожестью смыслов «заведует» процедура их полагания, а не формы соотношения между ее готовыми результатами. По-видимому, наибольшую трудность в понимании вызывает следующее обстоятельство: процедуру смыслополагания нельзя мыслить тождественной порождаемому ею смыслу; она и не внешняя по отношению к нему, но она и не тождественна тому, что разомкнуто итоговой «понятностью» (подобно тому, как вся совокупность условий возможности боли не тождественна самой боли).

Какое отношение это имеет к нашей проблеме? Представляется, что вопрос опознания логических рассуждений в качестве таковых должен решаться на уровне смыслополагания, а не на уровне результатов этой процедуры. Нужно сравнивать не формально логические системы между собой, а способы полагания осмысленности тех феноменов, которые стоят за ними.

---

[12] В данном случае под «правилом» можно было бы понимать, как говорят математики, «характеристическую» функцию, заданную на определенном множестве языковых игр, отличающую семейно-родственные языковые игры от не родственных.

В частности, процедура понятийной (или, скорее, до-понятийной) оптимизации как раз и должна уметь 1) реконструировать процесс смыслополагания, стоящий за имеющимися представлениями о логике, и 2) уметь их отождествлять (или же конструктивно находить максимальное структурное сходство) с процедурами смыслополагания, стоящими за новой, рассматриваемой ситуацией[13]. На мой взгляд, процедуры понятийной оптимизации (а не некие вне-временные субстанции), видимо, и следует связывать с «существом» логики. Не-субстанциальность процедуры оптимизации связана с тем, что она должна осуществляться *всякий раз заново*, когда вообще возникает необходимость понять, рассуждаем ли мы всё еще «логически» или же слепо имитируем привычную форму рассуждений.

Не случайно даже в рамках логистики существует проблема формальной неопределимости того, что же считать «логическими константами» и по каким критериям определять «логические формы» в качестве таковых. Впечатляет количество и причудливые формы некоторых претендентов на звание «логических констант». На эту тему имеется весьма обстоятельная монография В.В.Целищева «Нормативность дедуктивного дискурса»[14] с характерным подзаголовком: «Феноменология логических констант».

Обратим внимание на одну существеннейшую тонкость. Вопрос об опознании логических рассуждений в качестве таковых сильно усложняется в виду того, что трансформация, уточнение и расширение числа допустимых процедур смыслополагания совершается постоянно, что неизбежно (как бы «задним числом») отражается и на понимании сути процедур смыслополагания, считающихся «исходными» (т. е. доставшимися от традиции). Это касается и логики. Таким образом выходит, что мы, по сути, никогда не имеем дела с действительно исходными представлениями и замыслами этой науки. Мы всегда уже понимаем ее исходный замысел сквозь ту толщу интерпретаций, которую она же сама и породила. Соответственно, решая очередную новую задачу на понятийную оптимизацию (с целью найти достаточные основания называть те или иные рассуждения «логическими»), неверно считать, что мы соотносим новые процедуры смыслополагания с неким исходным, вне-временным «образцом» логического смыслополагания. Нет никакого одного неизменного, раз и навсегда данного «образцового» способа логического смыслоформирования. На деле мы всегда соотносим между собой пучок процедур, (предположительно) образующих смысл логичности, часть из которых мы считаем связанными с исходным смыслом логичности логики, а другую часть – с новыми типами смыслоформирования, которые – и это главное – автоматически уже влияют и на то, как мы понимаем «исходные» смыслы логичности. Одновременно всегда имеют место две разнонаправленные процедуры: 1) процедура сведения неизвестного к известному и 2) уточнение известного посредством неизвестного. Таким образом, повторимся, «существо» логики – это и есть то, что непрерывно вырабатывается в этом процессе.

Универсальность логики и ее отличие от методологии. Рассмотрим вопрос о претензиях логики на универсальность. Если мы отказываем логике в том, что источником ее универсальности является некая «субстанция», причастность которой в равной степени как будто обеспечивает логичность человеческим рассуждениям, сколь разнообразными они бы ни были, то как же быть с универсальностью ее притязаний?

---

[13] О том, что конструктивное решение подобных проблем является действительно возможным, см. монографию: *Hofstadter D*. Fluid concepts and creative analogies. Basic books, 1995.

[14] *Целищев В.В.* Нормативность дедуктивного дискурса. Новосибирск, 2004.

На наш взгляд, универсальность логики действительно имеет иной смысл, не-субстанциальный, ибо по существу своему имеет характер универсальной регулятивной идеи, внутренне структурированной, которая всякий раз – в зависимости от смыслового контекста – выстраивает определенную структуру ориентиров, с учетом которых могла бы тематизироваться любая исследовательская ситуация. Одним из компонентов этой регулятивной структуры является идея истины, которая, между прочим, сама является регулятивной идеей, а не понятием, якобы обслуживающим фактичность совпадения «мысли» и «реальности».

Разумеется, далеко не всякая исследовательская ситуация свободна от той или иной вне-теоретической формы ангажированности (например, таковы юридическая или психотерапевтическая практики, зачастую вообще никак не связанные с установкой на «истинность»). Поэтому процедуры разрешения многих ситуаций нередко носят *методический*, но отнюдь *не логический* характер, хотя в принципе и могли бы иметь отношение к логике. Универсальность логики заключается в том, что любая исследовательская ситуация, в принципе допускающая свободное, не ангажированное к ней отношение, могла бы стать предметом логической рефлексии. Однако вопрос о том, кто и по каким причинам совершает выбор между установкой на истинность и установкой на любую другую целевую причину (например, прагматически определенную), относится уже к этике.

Здесь уместно сказать несколько слов об отличии логики от методологии. Может показаться, что те представления о логике, которые мы здесь отстаиваем, стирают это различие. Тем не менее разница между этими двумя формами интеллектуальной деятельности весьма существенна. Говоря коротко, ее можно выразить так: методология не подразумевает никаких ограничений на спектр целей, достигаемых с ее помощью, логика же жестко ограничена теми формами целесообразности, которые включают в себя регулятивную идею «истины». В качестве примера обратим внимание на методологические аспекты идеологии, рекламы, психопрактики. Как правило, они нацелены на своего рода порабощение человеческого сознания, благодаря чему их и нельзя классифицировать как логические. Подавляя самостоятельность мысли и методически навязывая намеренную модель мышления, мы не приучаем людей мыслить логически, а наоборот, насильно заставляем лишь менять одну форму некритически принятых форм рассуждений на другие, догматически определенные формы размышления. Логика же учит мыслить не только правильно *в соответствии с* теми или иными наличными (или навязываемыми) правилами, но и правильно в смысле *освобождения* сознания *от* навязанных методологий. В этом заключается грандиозное отличие «логики вообще» от «методологии вообще». Методология носит чисто инструментальный характер; ведь методически можно добиваться чего угодно и как угодно. Логические рассуждения освобождают как от догматизма, так и от произвола, и формируют свободное отношение к исследуемому предмету, поскольку основная функция логики – критика, а не (пере)убеждение. «Методология вообще» не ставит перед собой такой задачи в качестве основополагающей[15]; круг ее задач значительно шире, и по сути он совпадает с областью рационального как такового (которая включает в себя рациональность таких вещей как идеология, мифология, и т. п.). Логика же существует только в рамках специфиче-

[15] Разумеется, существуют некоторые конкретные формы понимания методологии (например, у ряда последователей Щедровицкого), которые делают именно этот вопрос центральным для методологии.

ских регулятивных идей (одна из важнейших называется идеей «истины») и только в этих пределах имеет существенное отношение как к методологии, так и к рациональности.

2. Моделирование «логических рассуждений» и Тест Тьюринга

Вопрос о том, как мы понимаем существо логики и логических рассуждений, очевидно, полностью определяет и спектр возможных подходов к проблеме их компьютерного моделирования. На мой взгляд, самой интересной и самой провокативной проблемой является задача компьютерного моделирования *субъекта логических рассуждений*, способного проходить достаточно сильную версию Теста Тьюринга.

Поясним сначала, что такое Тест Тьюринга. Для прохождения программой Теста Тьюринга необходимо смоделировать такой уровень ее общения с людьми (посредством компьютера), что ни один человек не сможет определить, общается ли он с компьютерной программой или же другим человеком, находящимся за другим компьютером в соседней комнате. Независимо от того, можно ли создать такую компьютерную модель или нет, данная проблема поднимает ряд интересных и непростых теоретических вопросов. По каким критериям люди будут отличать «человеческие» аспекты общения от «смоделированных»? Следует ли ограничивать тематику Теста определенными сюжетами или же допускать произвольную тематику? и т. д.

Если тематика Теста ограничена логической проблематикой, это означает, что речь идет о создании такой модели логически рассуждающего субъекта, общение с которым будет неотличимым от общения с (логически рассуждающим) человеком. То обстоятельство, что компьютерные технологии и сами компьютеры были результатом логических исследований XX в., естественным образом наводит на мысль о том, что уж по крайней мере идея моделирования *логически рассуждающего субъекта* реализуема с помощью компьютеров. Тем не менее это естественное ожидание оказывается отягощенным рядом сложностей.

Анализ возможности подобного моделирования показывает, что ограничение тематики Теста «логикой», скорее всего, вообще не является ограничением, и это связано в первую очередь с универсальностью претензий самой же логики. Ведь для того, чтобы иметь возможность оценивать уместность или неуместность логического анализа ситуаций, связанных с двусмысленностями, игрой слов и т. п., необходимо иметь доступ к смысловому измерению всего исследуемого смыслового поля. Например, если в процессе аргументации человек приводит уместную по смыслу шутку, то мы, люди, ни в коем случае не расценим этот прием как *нарушающий* ход логической аргументации; в худшем случае это можно было бы расценить как логически нерелевантную, или избыточную информацию. Но как сделать так, чтобы и компьютерные программы распознавали такие приемы как «избыточные», а не как нарушающие ход аргументации? Подобных сложностей возникает довольно много, но мы здесь не имеем возможности их анализировать. Ниже попытаемся лишь поднять ряд вопросов, связанных со следующими, центральными проблемами: 1) что мы относим к компетенции логики и 2) что мы понимаем под «мышлением» и как это влияет на вопрос о моделировании «логического рассуждения».

Логика и распознание контекстов. Современная логика находится в странном положении. С одной стороны, создано огромное количество всевозможных «логических систем», которые (казалось бы) моделируют чуть ли ни все мыслимые способы последовательного человеческого рассуждения. С другой же стороны, при ближайшем рассмотрении оказывается, что все эти результаты логических изысканий совершенно ничего не сообщают нам о природе *действительного осуществления* логических рассуждений. Достаточно рассмотреть результаты современных логических исследований в перспективе Теста Тьюринга, т. е. представить себе ситуацию общения человека с компьютером, программное обеспечение которого образовано всевозможными системами логистики, чтобы понять, что подобный компьютер имеет крайне ограниченные ресурсы для ведения *совместных* с человеком логических изысканий. Такой компьютер в принципе не может быть полноценным собеседником, феноменально и концептуально замещающим общение одного человека, осведомленного в вопросах логики, с другим реальным собеседником. Это и означает, что подобный компьютер никогда не пройдет Тест Тьюринга в какой-либо «достаточно сильной» его версии, даже если тематика Теста ограничена проблемой логических рассуждений. И связано это с тем, что любой логический формализм хорошо работает только в определенном, однозначно распознаваемом контексте, за пределами которого данный формализм может работать не просто плохо, а еще и логически некорректно.

Это положение дел ставит нас перед вопросом: следует ли классифицировать процедуру распознания контекстов как «логическую» или же не следует? На мой взгляд, имеются исторические свидетельства и концептуальные соображения, позволяющие отнести эту процедуру к «логической», оставив понятие «логистика» для обозначения тех аспектов логических исследований, контекст рассуждения которых уже известен. В защиту такого распределения терминов можно высказать банальное соображение: едва ли уместно называть человека «умеющим рассуждать логически», если он не способен самостоятельно соотносить свои рассуждения с контекстом их осуществления (человека, который на цепочку рассуждений, состоящую из утверждений *a,b,c,d…* реагирует последовательностью логически истинных утверждений «если *a*, то *a*», и «если *b*, то *b*», и «если *c*, то *c*», и уж «если *d*, то *d*» и т. д. вряд ли можно назвать «умеющим рассуждать логично»). Это значит, что всё, что делает логические рассуждения «логическими», должно само по себе иметь статус «логического», т. е. само должно входить в компетенцию логики. Например, среди всех (формально уместных) логических форм нужно уметь производить подбор тех и только тех логических форм, которые будут наиболее адекватно соответствовать *смыслу* анализируемого утверждения или рассуждения. Иными словами, схематизмы, реализующие сочетание «формы» и «смысла», сами должны обладать определенного рода логическим статусом. На сегодняшний день совершенно не ясно, как такую работу могли бы проделывать компьютеры[16], и это свидетельствует о том, что логика мало знает о процедуре реального совершения логических рассуждений.

Отказ считать подобные схематизмы «логическими» приводит к довольно странным выводам: «умение рассуждать логически» оказывается в одностороннем порядке зависящим от неких внешних, *не*-логических процедур, от которых зависит, правильно или неправильно осуществляется доступ к смыслу исследуемой ситуации. Но это и было бы апофеозом «психологизма»

[16] Исключение составляют, повторимся, работы Д.Хофштадтера и его коллег, см. ссылку 13.

в логике. Ведь тогда выходит, что некая «логика» примысливается к структуре смыслов задним числом, совершенно независимо от внутренней логики самой смысловой структуры. Исторически в задачу логики как раз и входила задача «правильного» формирования (или восприятия) самой смысловой структуры той или иной обсуждаемой ситуации. *Логика должна не тащиться вслед за процедурами смыслоформирования, а участвовать в них*. Только так логика может осуществлять свою *критическую* функцию, вне которой логика вообще не имеет смысла «логики».

Ведь иначе любую формализацию психических процессов умалишенных следовало бы называть «логикой умалишенных». Это, очевидно, бессмысленно и идет вразрез с основными задачами логики. Логика имеет смысл «логики» только как инструмент коррекции «менее правильных» рассуждений в сторону «более правильных» рассуждений, а не просто как систематизированное блуждание в среде привычных интуиций (поскольку, повторимся, далеко не любой «поток сознания», обладающий признаками наличия в нем формализуемых закономерностей, можно было бы назвать «логическим»).

Иными словами, логика существует в качестве самой себя только в горизонте установки на истинность; в частности, должно иметь место соответствие смысла задачи способу ее анализа. Причем «истинность» должна не просто приниматься откуда-то извне как нечто внешним образом данное, а как проблемное понятие, анализ которого должен происходить одновременно с анализом всякого нового исследуемого случая. Логика, не способная на анализ понятия истины, не может являться логикой в полном смысле этого слова, поскольку некритически использовать понятие «истины» вполне успешно удается, например, таким формам понимания вещей, как мифология и идеология. Ни мифология, ни идеология не заинтересованы в раскрытии существа истины – они вполне довольствуются интуитивной приемлемостью собственных «объяснительных» конструкций, которые априори принимаются как релевантные для всякого мыслимого случая. Тем не менее хотелось бы уметь последовательно отличать логику от всех прочих форм «правильного» рассуждения и не смешивать «правильность» логических рассуждений с «правильностью» рассуждений, имеющих своим источником мифологию или здравый смысл, или рационально необеспеченные догматические положения.

Итак, основная трудность заключается в следующем: каким образом распознаются контексты рассуждений? Или иначе: каким образом осуществляется связь «логической формы» со смысловыми структурами? Даже те задачи по идентификации контекстов, которые без особого труда решаются человеком, совершенно недоступны для компьютеров, снабженных только формально-логическим инструментарием. Дело в том, что логичность определенных актов, процессов, операций, рассуждений опознается отнюдь не только по их «логической форме».

Приведем простой пример. Предположим, что программа компьютера написана следующим образом. Для каждой истинной импликации «*если А, то Б*» и истинного утверждения *А*, в соответствии с формой модус-поненса, программа «утверждает» истинность *Б* с вероятностью 0,99…99 (миллион раз) или же истинность отрицания *Б* с вероятностью 0,00…01 (миллион раз). Очевидно, что даже в тех случаях, когда компьютер *случайно* выдаст формально правильный ответ (а это будет иметь место почти всегда), то совершенно неправомерно говорить о *логичности* действий компьютера. Нашего знания того, что формально правильный ответ был получен заведомо случай-

но, вполне достаточно для того, чтобы отрицать логичность подобных действий компьютера. И это, повторимся, несмотря на формальное совпадение с законами формальной логистики. Более того, как мы уже заметили, формально уместное использование некоего логического правила или закона может оказаться совершенно бессмысленным с точки зрения его соответствия содержанию исследуемой ситуации. Это вдвойне усложняет задачу компьютерного моделирования субъекта логических рассуждений, ибо формально истинный ответ может не иметь никакого отношения ни к понятию логики, ни к понятию рассуждения.

Этот простой пример ставит под вопрос предпосылку, характерную для всех (кроме, возможно, интуиционизма) направлений логических исследований XX в. и заключающуюся в том, что некие «логические формы» (адекватно отображаемые конечной комбинацией знаков) являются единственной и исчерпывающей причиной логичности «логических рассуждений». По всей видимости, ситуация значительно более сложная. Необходимо не только уметь опознавать, что перед нами *логически* корректное рассуждение (путем сопоставления его звеньев с «логическими формами»), но еще и 1) распознать, что перед нами действительно *рассуждение*, а не его бессмысленное подобие, и 2) распознавать уместность производимых рассуждений, чтобы иметь возможность осмысленного применения «логических форм».

Логика и идеальный язык. На заре своего возникновения современная формальная логика исходила из предположения существования безусловных «самопонятных» знаков (см. например, полемику А.Пуанкаре с Л.Кутюра)[17] относительно однозначного смысла которых (якобы) невозможно ошибиться. Сама эта предпосылка уже является чем-то неочевидным[18]. Но даже если предположить, что и впрямь существует нечто такое, как «самопонятные знаки», то возникает следующий вопрос. Если у «логики» существует некий собственный язык, конституируемый системой самопонятных знаков, то процесс совершения «логического рассуждения» мы должны понимать вполне определенным образом. На мой взгляд, процесс логического рассуждения мы обязаны тогда понимать как *процесс подгонки* «реальных» рассуждений под некие идеальные «логические формы». Ведь логика как особая наука изначально создавалась для того, чтобы быть вспомогательным инструментом для «реальных» человеческих рассуждений, язык которых порой весьма далек от самопонятности. Но для того чтоб подогнать реально совершаемые рассуждения под язык самопонятной системы логических знаков, всякий раз необходима некая *процедура перевода* с языка поставленной задачи на язык «самопонятных» знаков логики. Вот здесь и возникает как минимум две проблемы, одну из которых мы уже обсуждали.

---

17 В статье «В защиту логистики» Л.Кутюра говорит: «Действительно логические формулы, составляющие, как выражается г. Пуанкаре, “новый язык”, *довлеют самим себе и вполне понятны через самих себя* (курсив мой. – *К.П.*); если бы к ним надо было прибавить хоть одно слово обычной речи, то это означало бы, что они неполны или неверны. Кроме того, если уже изобрели этот «новый язык», то именно для того, чтобы избежать всякого рода двусмысленностей или petitio principii, заключающихся более или менее неявно в разговорном языке. Следовательно, одни только логические формулы могут быть точными, строгими и свободными от вышеуказанных логических недостатков» (*Пуанкаре А., Кутюра Л.* Математика и логика. М., 2007. С. 73).

18 Идея «самопонятного» знака, видимо, эквивалентна понятию «безусловного» знака – но это элементарное противоречие в понятии. Знак, который понятен как знак, безусловно означающий именно то, что он означает, есть нечто невозможное – знак зависим от конвенций, от устных традиций толкования знаков, от практики их исторически конкретного использования, и т. п.

Первая проблема – философско-логическая. Если, как считает Кутюра, существует некая автономная, ничем не обусловленная система самопонятных знаков, которая и должна быть единственно правильным языком логики, то *как* тогда решить вопрос о том, не возникает ли некоего «искажающего эффекта» при переводе с языка реальных рассуждений на идеальный язык логики? Если логику следует понимать так, как предлагает Кутюра, то действительно ли любые цели, которые преследуются при реальных рассуждениях, могут быть адекватно достигнуты после того, как произведена подобная «логическая коррекция»? Не похоже ли это на попытку решить некое уравнение пятой степени, руководствуясь исключительно той «идеальной» ситуацией, которая имеет место для квадратных уравнений[19]? Иначе говоря, на чем основана гарантия того, что собственный язык логики непременно есть язык самопонятных, интуитивно прозрачных знаков? Разве интуитивная прозрачность обязана входить в число критериев логичности логических рассуждений?

Вторая проблема напрямую связана с задачей компьютерного моделирования «логически рассуждающего субъекта». Как ныне известно, существует целое множество (почти уже необозримое) различных формально-логических систем. Стало быть, для того, чтобы можно было корректно применять подходящую систему для той или иной исследовательской ситуации, необходимо правильно опознать контекст. Эта процедура, как мы уже говорили, подразумевает осуществление *конципирования* ситуации в целом, в контексте чего только и можно решить вопрос о правильном выборе соответствующей формальной системы. Получается, что для того, чтобы компьютер мог «рассуждать» логически корректно, неотъемлемым свойством его программного обеспечения должна быть способность «адекватно» конципировать проблемный контекст. Иначе он никогда не сможет логически адекватно *применять* свой формально логический арсенал.

Обратим внимание на то, что в русском научном языке практически отсутствует последовательное различение слов «понятие» и «концепт». Это, в частности, служит причиной неправильности переводов иностранной литературы на русский язык. Исходный смысл слова «концепт» (concept) связан с понятием «зачатия», «зарождения», «зачинания», который явно звучит во многих современных языках (conception – зачатие, замысел (*англ., франц.*); concepire – зачать, замыслить (*итал.*); concepción – зачатие, понимание (*исп.*), Konzeption – замысел, зачатие (*нем.*), и т. д.). Идея «концепта» (concept) отличается от идеи «понятия» (notion – понятие, представление, точка зрения, мнение, *англ., франц., нем.*) тем, что первая имеет своей целью *порождение* теоретической точки зрения на имеющеюся ситуацию, а второе – преломление ситуации сквозь *готовую* точку зрения[20]. Зацикленность науки XX в. преимущественно на идее «понятия», а не «концепта» является еще одним

---

[19] Как известно, существует единый, общий для всех квадратных уравнений (определенных над полем действительных чисел) метод их решения. Тем не менее известно также что не существует единого метода решения уравнений пятой степени и выше. Стало быть, сама идея «решения» уравнения пятой степени в принципе не может ориентироваться на ситуацию с квадратными уравнениями.

[20] Как пишет Неретина С.С., «в Средневековье под концепцией понимались акты “схватывания” вещи в уме субъекта… Эти акты “схватывания” выражаются в высказанной речи, которая, по Абеляру, воспринимается как “концепт в душе слушателя”… Понятие есть *объективное* идеальное единство различных моментов предмета и связано со знаковыми и значимыми структурами *языка*, выполняющего функции становления мысли, *независимо от общения*. Это итог, ступени или моменты познания. Концепт же формируется речью» (*Неретина С.С.* Тропы и концепты. М., 1999. С. 29).

свидетельством того, что регулятивной идеей науки являлась идея Абсолютного наблюдателя, созерцающего «как бы завершенный» мир в перспективе неких «вечных истин». В результате ныне имеется мощный и разнообразный инструментарий для исследования «понятий», в то время как идея «концепта» остается не только плохо разработанной, но еще и воспринимается как нечто нерелевантное для «серьезной» науки, в частности, для «серьезной» логики. Ситуация в русском языке еще хуже, поскольку в русском это различие вообще не ощущается, а существующие переводы многих произведений и вовсе игнорируют это различие, переводя и concept, и notion как «понятие»[21].

Однако эта прореха становится явно ощутимой, в частности, благодаря современным компьютерным возможностям, позволяющим всерьез ставить вопрос о создании т.н. «искусственного разума» (или «искусственного интеллекта»)[22]. В свете этой задачи процесс конципирования выявляется как то недостающее звено в понятийном инструментарии современной науки, без понимания устройства которого ни о каком моделировании «искусственного разума» и речи быть не может. Если считать Тест Тьюринга одним из фундаментальных критериев успешности этого предприятия, то понятно, что условием возможности его осуществления является то, что компьютер должен *самостоятельно* уметь конципировать всякую исследуемую им ситуацию, т. е., главным образом, должен уметь осуществлять процедуру перевода с языка задачи на собственный «понятийный» язык. Это означает, что компьютер должен уметь самостоятельно проводить логически корректный анализ ситуации, сопровождающийся логически корректным уточнением задачи, логически корректным уточнением использования критериев «правильности», «адекватности», уточнением способов оценивания ситуации, и т. п. Другими словами, компьютер должен быть способным к соучастию и анализу *смыслопорождающих процессов,* а не только лишь к простой понятийной комбинаторике. Иначе выходит, что всю собственно логическую работу выполняет (вместо компьютера) программист, который вручную осуществляет подгонку «языка задачи» под «язык компьютера», и затем лишь использует вычислительные способности компьютера для получения итогового результата. Фактически авторство решения той или иной задачи оказывается принадлежащим программисту, а не компьютеру, в то время как Тест Тьюринга предполагает обратную ситуацию. Сама идея Теста Тьюринга подразумевает, что компьютерная модель способна к тому же уровню самостоятельности в своей деятельности, что и человек; причем самостоятельность компьютера феноменально будет невозможно отличить от самостоятельности человеческой – в этом-то и заключается провокативная сложность этой задачи.

Представления о сути мышления: следствия для логики и ее компьютерного моделирования. Итак, некие априорные представления о том, как должна была бы выглядеть «настоящая» логика, сыграли решающую роль в логических исследованиях XX в. Однако не только априорные представления о существе логики, но и коррелирующие с ними представления

---

21 *Огурцов А.П.* О понятиях логики // *Хинске Н.* Между Просвещением и критикой разума // VOX (vox-journal.ru). 2007. Вып. № 2. Май; см. также: *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Пути к универсалиям. СПб., 2006. С. 692– 693, 705–706.

22 На мой взгляд, эти названия вводят в двойное заблуждение. Во-первых, в названии звучит явное противопоставление некоему «естественному разуму», как если бы некая «естественность» человеческого разума была самоочевидным его свойством. А во-вторых, речь, по-видимому, всерьез может идти только о создании «искусственного» *носителя* для того, что с большой долей условности называют «естественным» разумом.

о сути мышления имели принципиальное значение. Весьма показательные суждения, которые дают представление о том, как понималось существо мышления в научной среде XX столетия, были высказаны К.Гёделем.

К.Гёдель утверждал следующее: «В нашем мышлении мы не можем создать качественно новых элементов, и можем лишь воспроизвести и скомбинировать только то, что дано»[23]. Если бы не одна существенная тонкость (о которой говорит сам же Гёдель в другом месте и которую мы приводим чуть ниже), то из этого пассажа можно было бы заключить следующее. Нам, людям, «даны» (врожденны, присущи) некие элементарные, ничем не обосновываемые формы мышления, о которых мы можем ничего и не знать, но которые всегда уже заранее определяют качественные возможности и способы нашего мышления. Мы не можем ни менять их, ни добавлять новые элементы. В нашей власти лишь опознавать их и правильно согласовывать друг с другом (исключительно комбинаторным образом).

Очевидно, что способ данности этих «элементов» может быть только один – интуитивный. Элементы – если это подлинные элементы – могут опознаваться в качестве таковых только «непосредственным созерцанием», интуицией. Они не могут иметь характера «конструкции», поскольку всякая конструкция составлена из уже имеющихся элементов; стало быть, элементы всегда предшествуют любому конструированию и, соответственно, не могут постигаться дискурсивно, конструктивно, синтетически. В лучшем случае *путь* мысли к элементам мышления может иметь дискурсивную природу, но отнюдь не само их *понимание*.

Но тогда трудность, как это прекрасно осознает Гёдель, заключается в следующем: наши интуиции – даже кажущиеся наиболее фундаментальными и элементарными – могут иметь противоречивый характер; кажущееся элементарным может оказаться отнюдь не элементарным. Стало быть, интуирование «элементов» всегда подвержено риску оказаться ошибочным. Об этом и говорит Гёдель, когда утверждает, что главной заслугой логических исследований начала XX в. является «тот удивительный факт, что наши логические интуиции (то есть интуиции, касающиеся таких понятий как истина, концепция, бытие, класс и т. д.) являются самопротиворечивыми»[24]. В связи с этим он настаивает на необходимости дальнейшей логической проработки исходных понятий, интуиций: «Многие симптомы, однако, показывают совершенно ясно, что примитивные концепции нуждаются в дальнейшем уточнении. Кажется разумным подозревать, что как раз это неполное понимание оснований ответственно за тот факт, что Математическая Логика так и не вышла на рубеж тех больших ожиданий, которые связывали с ней Пеано и другие (в соответствии с целью Лейбница)»[25], – утверждает Гёдель. В этом фрагменте звучит надежда Гёделя на «полное понимание», которого можно было бы добиться в конечном итоге. Однако проблема-то как раз и заключается в том, что совершенно не ясно, по каким критериям (дискурсивным, интуитивным?) определять ситуацию достижения «полного понимания» наших «примитивных концепций».

Иначе говоря, приведенное нами в начале утверждение Гёделя о существе мышления теряет свою первоначальную интуитивную ясность. Ведь из слов Гёделя определенно следует, что «элементы мышления» не могут

---

[23] Цит. по: *Целищев В.В.* Алгоритмизация мышления: гёделевский аргумент. Новосибирск, 2005. С. 235.

[24] Цит. по: *Рассел Б.* Введение в математическую философию // *Гёдель К.* Расселовская математическая логика. С. 242.

[25] Там же. С. 260.

опознаваться в качестве таковых лишь интуитивно, ибо интуиции нуждаются в дискурсивном обосновании и проверке, без которых нет гарантии отсутствия ошибки. Иначе говоря, подлинные «элементы мышления» должны держаться неким сочетанием интуитивной ясности и дискурсивной обоснованности. Однако «правильность» обоснования *уже* должна быть укоренена в «правильно» опознанных и воспроизведенных в мышлении «элементах», поскольку иначе у нас нет никаких гарантий того, что используемое нами обоснование действительно является обоснованием. Круг замыкается; понятие мышления и критерии его правильности ускользают от нас. Логика, как свидетельствует сам же Гёдель, формирует новые (или «уточненные», как он их называет) интуиции, новые интуиции заставляют логику двигаться дальше, к еще более точным формам интуирования вещей, которые в свою очередь, требуют еще более утонченных форм обоснования и т. д. Список логических средств, зафиксированный формально, не поспевает за порождаемыми (логикой же) всё более и более утонченными формами интуирования. Об этом же, между прочим, свидетельствует появление «истинных», но «формально недоказуемых» утверждений даже в рамках строго формализованных теорий с достаточно богатыми выразительными средствами. Формализованная логика всегда запаздывает по отношению к логике формирования новых интуиций. Задача отобразить существо логики исчерпывающим списком формализованных структур выглядит недостижимой. Процесс формализации наличных логических способов рассуждения является внутренним источником для контр-примеров, которые вынуждают всё дальше и дальше «уточнять» как наши интуиции, так и формы рассуждения о них. Завершение процесса рассуждения, ведомого регулятивной идеей существования «элементов» мышления, все откладывается – стало быть, получение итогового различения между «действительно логическими» и «нелогическими» рассуждениями оказывается неосуществимым на этом пути.

Насколько я понимаю, не случайно Гёдель много лет изучал феноменологию Гуссерля[26] – феноменология ведь как раз претендовала на умение дискурсивно ликвидировать «порочные круги» в мышлении благодаря точной экспликации само-понятных, само-данных феноменов. Не случайно и теоретические разработки Гуссерля начались с осознания необходимости безусловного обоснования логики и ее основных принципов.

Вся эта ситуация ставит нас перед следующим философским вопросом. Если наши интуиции напрямую зависят от уровня разработанности логического инструментария, то где гарантии того, что то, что мы сегодня называем «логически корректными» формами рассуждения, не окажется завтра иллюзией нашего человеческого разума? То, отрицание чего воспринимается сегодня как «немыслимое», завтра может оказаться «мыслимым»; а послезавтра нас, позавчерашних, запишут в ряды наивных древних мыслителей (подобно тому, как во многих учебниках по философии или логике к наивным и древним относят всех, кто имел несчастие родиться до Декарта и Лейбница). Если такова неминуемая судьба всех наших «интуиций» и «очевидностей», то *что же такое логика*, если *«логика» и есть то, что производит все эти радикальные изменения в человеческих формах интуирования*? Если исключить мистические озарения и прочие иррациональные факторы, то нельзя не признать, что в истории человечества только последовательное мышление

[26] В.В.Целищев отмечает: «Гёдель в последние два-три десятка лет активно изучал феноменологию Гуссерля, пытаясь, видимо, найти очищенную сущность интуитивного схватывания истины» (Там же. С. 233).

приводило к слому старых и формированию новых интуиций, совершенно неожиданных и непредсказуемых. Это значит, что существо *логически* правильных рассуждений заключается главным образом не в «сохранении» истины, а *в изменении представлений о ней*. Сохранением истины занимается преимущественно мифо-логическое, или, шире, догматически детерминированное мышление, а не логическое рассуждение. Во всяком случае, там, где логика занимается «сохранением» истины, она становится теоретически неотличимой от догматических форм рассуждений.

Смысл объективности логики. Рассуждения о том, занимается ли логика «сохранением истины» или же трансформацией представлений о ней, могут оказаться полезными при решении вопроса о том, как понимать «объективность» логики. Объективность логики, или же такое ее понимание, которое не было бы обусловлено «психологически», обычно интерпретируют в терминах «независимости от человеческого произвола». Если бы логика занималась исключительно сохранением интуитивно данных истин, то пришлось бы признать следующее, почти парадоксальное следствие: наше незнание устройства интуиций, процессов их порождения, формирования и изменения свидетельствовало бы лишь о том, что «логика», если ее понимать исключительно как «сохраняющую» интуиции, была бы полностью растворена в наличной, интуитивно данной смысловой среде. Но ведь именно последняя-то как раз и пронизана разного рода формами произвола – сознательного, бессознательного, подсознательного, социально обусловленного и т. п. Ни о какой независимости от произвола здесь и говорить не приходилось бы. Такую «объективность» совершенно нельзя бы было отличить от совокупности «субъективных предпочтений», разве что наиболее устойчивых и конвенциально разделяемых. Чем такая «объективность» отличалась бы, например, от любой мифологической матрицы, регулирующей «правильность» рассуждений туземных народов? Подобная система «объективных» положений, разделяемая просвещенными европейцами, была бы полностью эквивалентна (в эпистемическом отношении) системе мифологем любого папуасского племени.

Однако история показывает, что логика устроена иначе; она *меняет* человеческие интуиции, причем меняет их не произвольно, а наперекор основному источнику человеческих произволений, т. е. наперекор налично имеющемуся интуитивному составу человека. В терминах наличных интуиций формулируется лишь та или иная задача, но путь ее решения вовсе не обязан оставаться в рамках имеющихся интуиций. Возникает вопрос: если эмпирического субъекта, для которого способность понимать обусловлена «произволами» различных форм, будет разумно отождествить с его наличным интуитивным составом, то не следует ли отсюда, что только такие рассуждения, которые являются причиной непредусмотренного им самим изменения наличного состава интуиций, как раз и следует считать *объективно* независящими от человеческого произвола? Не верно ли называть «объективно независящими от человеческого произвола» не те рассуждения, которые сохраняют интуитивный состав (подчиняясь, тем самым, имеющимся формам случайностей), а те рассуждения, которые трансформируют его непредвиденным (с точки зрения наличных интуиций) образом? На мой взгляд, последнее верно не только логически, но и с исторической точки зрения: от Платона и Аристотеля до понимания существа логики Гегелем и до свидетельств К.Гёделя относительно смысла производимых логикой изменений многое говорит в пользу такого понимания «объективности» логики.

3. Логика, смысл и логика смысла

На протяжении всей работы мы с разных сторон рассматривали *взаимосвязь* (и даже взаимное определение) логики и соответствующих смысловых полей, в контексте которой логические рассуждения всякий раз только и могут иметь смысл «логических рассуждений». Говоря много о логике и о ее связи со смыслом, мы, тем не менее, очень мало говорили собственно о понятии смысла. Отвергая идею того, что знаки (точнее, систематическая комбинация знаков) могут иметь решающее значение при определении существа логики, мы фактически остаемся исключительно с понятием *смысла* как с тем, что могло бы точнее всего прояснить вопрос о природе логических рассуждений.

Наиболее близкой нам по сути теорией смысла является логико-смысловая теория, изложенная в монографии А.В.Смирнова «Логика смысла». Здесь нет ни возможности подробно анализировать содержательные связи с этой теорией, ни даже просто комментировать их. Достаточно будет просто привести несколько формулировок, раскрывающих некоторые аспекты замысла этой теории, и указать на имеющиеся параллели.

1) Замысел теории А.В.Смирнов описывает так: «Речь в этой книге пойдет о смысле как о становящемся, как о само-становлении. Я предложу увидеть в понятии “смысл” способность-становления. Однако то, о чем мы будем говорить, не совпадает по самому своему существу с тем, что мыслится в понятии “структура”, ибо «…устойчивым здесь является не “форма”, не “идея”, не конкретное содержание,… а указание на способность трансляции (как оказывается, бесконечной) этого содержания в другие»[27]. В этом очерчивании своего исследования А.В.Смирнов обозначает первую и весьма существенную точку схождения с нашей перспективой понимания логики. А именно: если в теории смысла «смысл», в первом приближении, определяется как «становление смыслом», то и с нашей точки зрения можно сказать, что «логика» – это становление логикой.

2) Далее А.В.Смирнов формулирует определение следующим образом: «Скажем так: смысл – это способность порождать другие смыслы»[28]. Эта более определенная формулировка важна для нас тем, что в ней уже в явном виде присутствует то, что в математике называется рекурсией, рекурсивным определением. Иными словами, здесь не «порочный круг» в определении, как можно было бы подумать, а «понятийная рекурсия», где «смысл» определяется через свое «тождество» некоей лингвистической функции, в которую он сам же входит в качестве переменной. Однако «тождество» здесь неудачное слово. И связано это с принципиально важным моментом – смысл, в соответствии с теорией, *не субстанциален*.

Если «способность порождать» (как особую процедуру) мы обозначим стрелкой →, то это рекурсивное определение можно переписать так: смысл → другой смысл. Этот момент А.В.Смирнов комментирует так: «Смысл не субстанциален. Приходится преодолевать соблазн сказать, прочитывая эту формальную запись: “смысл есть то, что порождает другие смыслы”». Этого “что” мы не имеем, смысл – не субстанция, а движение порождения. Смысл как будто разрешается в знак →»[29].

То, что в соответствии с данной теорией смысл не субстанциален, очевидно, напрямую коррелирует с нашим стремлением показать, что и логику бессмысленно понимать субстанциально. Собственная форма существования

---

27 *Смирнов А.В.* Логика смысла. М., 2001. С. 24.
28 Там же. С. 43.
29 Там же. С. 45.

логики – это логическое рассуждение, рекурсивно исполняющее самое себя в процессе своего осуществления. Поэтому-то логика, так же, как и смысл, – это не «структура», хотя и нечто неизбежно структурированное. Как логика, так и смысл являются в первую очередь некими *процедурами*. Исключение процедурного аспекта при рассмотрении этих понятий лишает их собственного содержания, ибо вместо изучения собственно смысла, или же собственно логики, мы незаметно переходим к изучению *разговоров о* «смысле» и о способах артикуляции этих разговоров, а также *разговоров о* «логике» и о способах выражения этих разговоров. Так «логика» и «смысл» ускользают от предметного их исследования.

3) На 90-й странице текста «Логики смысла» мы, наконец, вплотную подходим к тому фрагменту, где впервые происходит сущностное соотнесение понятий «логика» и смысл». Этот пассаж мы приведем почти полностью. «Определенность смысла процедурой смыслополагания… требует фиксации ряда положений и постановки ряда вопросов. Сферой логики … традиционно считалась сфера отношений *между* смыслами, отношений, независящих от внутреннего содержания смыслов и именно в силу этого безусловно отвлекаемых от любой конкретности[30]… Мы обнаружили, что внутренне строение смысла, то, *чем* оказывается тот или иной смысл… также определено – во всяком случае, частично – объективной логикой, не зависящей от данной конкретной содержательности. Именно это и позволило ввести понятие «логика смысла»[31].

Этот фрагмент, пожалуй, ярче всего выявляет практически *неизбежную* близость, и даже взаимопринадлежность «логики» и «смысла». Эту неизбежность дает ощутить уже сам язык, не позволяющий развести по изолированным сферам «логику» и «смысл». Подобно как бы «двум» сторонам ленты Мёбиуса, оба понятия вынуждены всегда со-присутсвовать в языке, в котором совершается попытка тематизации хотя бы одно из них. Из этого следует один важный вывод (или, точнее, рабочая гипотеза): теория смысла всегда уже есть теория логики, и наоборот, теория логики всегда уже есть одновременно теория смысла. Они взаимно предполагают друг друга. Именно поэтому всякая теория логики, которая будет пытаться говорить о логике как о чем-то связующем «готовые смыслы», будет неизбежно упускать самое существо логики, ибо упущенными оказываются смыслополагающие процедуры, которые только и могут предоставить действительное основание называть «логическими» те или иные рассуждения в рамках данного смыслового поля.

4) К критике логики как «сферы *между* смыслами» А.В.Смирнов подходит со стороны критического разбора существующих теорий смысла. «Репрезентационные теории <смысла> считают, что этот единый способ смыслообразования может быть зафиксирован в явно выраженных и конкретных, *законченных* положениях… я никак не могу согласиться с уверенностью в том, что этот единый способ может быть выражен в конечных зафиксировано содержательных положениях, с уверенностью, которая, кстати, в *этом* отношении мало чем отличается от многовековой философской веры в един-

---

30 Здесь, правда, можно было бы сделать существенную оговорку: понятие трансцендентальной логики у Канта и гегелевское понятие логики заведомо не попадают сюда. Первые страницы «Логики» Гегеля буквально демонстрируют работу логики смысла, последовательно размыкающей смысл единичного понятия (бытия). Однако вся логистика XX в., которая строила себя в открытом противостоянии Гегелю, безусловно подпадает под характеризацию, данную ей А.В.Смирновым.

31 *Смирнов А.В.* Логика смысла. С. 90–91.

ство человеческого разума, отраженное, в частности, в *зафиксированных* и общепризнанных положениях логики»[32]. Сказанное означает, что следствием процессуальной теории смысла для логики является, в общем-то, простое соображение: если основоположения логики, равно как и сами логические рассуждения, претендуют на то, чтобы быть *осмысленными* (а они всегда, во все времена и во всех обличьях претендовали на это), то необходимо уметь устанавливать теоретическое соответствие логических идей поддерживающим их теориям смысла. Вне теоретически продуманной связки «логики» со «смыслом» логика перестает быть логикой, а теории смысла оказываются совершенно не в состоянии объяснить, почему именно тем, а не этим смысловым структурам правомерно приписывать логический статус. Логичность логики оказывается оторванной от существа смысла.

Таким образом, если бы можно было всесторонне обосновать предпочтительность процессуальной теории смысла (исходя из теоретических соображений, из практики языковых переводов, практики общения и ведения дискуссий, из результатов психологии и когнитивистики, и т. п.), то это бы послужило достаточным основанием для пересмотра всего логического инструментария с точки зрения этой теории смысла. Что именно должно было бы попасть в центр ревизии логической проблематики? Посмотрим еще раз на соответствующие моменты процессуальной теории смысла. А.В.Смирнов пишет: «Смысл может быть *подсказан* нам как выстроенность – и даже, скорее, выстраиваемость. Процессуальность “смысла” предполагается самим понятием “процедуры смыслополагания”. *Зафиксированный смысл перестает, собственно, быть смыслом* (курсив мой. – *К.П.*) – он становится тем, для чего должна быть указана процедура перехода к его “смыслу”. Смысл – это способность к выстраиванию своей связанности»[33].

В духе этого (выделенного курсивом) высказывания мы могли бы сказать, что и логика, будучи зафиксированной, собственно, перестает быть логикой, ибо (например, *знаковая*) фиксация логики отрывает ее от собственных условий возможности. То есть, если говорить в терминах рассматриваемой теории смысла, отрывает ее от вызывающей ее к жизни смысловой среды, требующей непрерывного переплавления организующих ее «смыслов»: смыслы → другие смыслы → другие смыслы…. Ибо только так осуществляется бытие смысла самим собой (смысл, как говорит А.В.Смирнов, «является собою – только будучи другим, и не может сохранять свою идентичность иначе, нежели возвращаясь в другое»[34]). Эту мысль А.В.Смирнов перефразирует и еще иначе. «Если спросить: “что такое *вот-это*?”, логико-смысловая теория скорее всего ответит: “*вот-это* – возможность трансляции в *вот-то”*»[35].

Боюсь, что цитаты, вырванные из контекста книги «Логика смысла», могут показаться весьма абстрактными и спекулятивными; особенно последние утверждения, касающиеся того, что «тожество» смысла достигается путем его транслирования в «иное». Однако именно здесь, как ни парадоксально, вновь происходит смычка процессуальной теории смысла с самыми фундаментальными понятиями логики, даже если иметь в виду ее наиболее классические формы понимания. Главным образом речь идет об идее силлогизма. Вспомним еще раз определение Аристотеля: «Силлогизм же есть речь, в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто *отличное от* положенного в силу того, что положенное есть».

---

32 *Смирнов А.В.* Логика смысла. С. 99.
33 Там же. С. 92.
34 Там же. С. 128.
35 Там же. С. 129.

Приводя это определение в начале работы, мы заострили внимание на понятии «необходимости», входящем в него. Теперь же сфокусируемся на другом моменте – на том, что Аристотель подчеркивает *инаковость* того логоса, который с необходимостью следует из исходного логоса. Формально это можно записать так: «смыслу логоса *А* с необходимостью сопутствует[36] *иной* логос *не-А*, в силу смысла *А*». Благодаря такой переформулировке силлогизма связь с процессуальной теорией смысла становится вполне определенной. Если принять формулировку А.В.Смирнова, что общее понятие смысла (имеющее дело с произвольным *вот-этим*) определяется формулой «*вот-это* – возможность трансляции в *вот-то*», то как тогда можно было бы определить собственный смысл логики? Если учесть, что смысл логики задается идеей силлогизма, то этот смысл должен определяться такими «возможными» трансляциями «*вот-этого* в *вот-то*», которые носят *необходимый* характер. Среди всех «возможных» трансляций (определяющих *этот* смысл как *этот* смысл) могут встречаться лишь «возможные», но могут встречаться и «необходимые». Когда это обстоятельство было замечено (Платоном и Аристотелем), то родился *замысел* науки логики. Стало быть, на этом языке можно сказать, что основная задача логики должна полностью определяться проблемой прояснения *смысла* понятия «необходимости».

Здесь круг у нас замыкается, и мы получаем возможность более точно сформулировать специфику взаимопринадлежности «логики» и «смысла». Как и определение смысла, она имеет рекурсивный характер.

Быть «логикой» (т. е. иметь *смысл* логики) – значит быть процедурой прояснения смысла *необходимости*.

«Логика смысла» – это то, что ответственно за *необходимость любому* смыслу быть просто «смыслом», т. е. самим собой.

«Смысл» – это то, что конституируемо «логиками смысла», определяющими способ(ы) *возможных* трансляций «смысла» в другие «смыслы».

Это триединое рекурсивное определение связывает в одну рекурсивно-герменевтическую систему все основные понятия, требуемые для разработки теории смысла, совместимой с соответствующими теориями логики: понятие «необходимости», «возможности», «логики», смысла» и т. д. На этом можно было бы и остановиться, но в заключение необходимо сделать одну чрезвычайно важную оговорку. Насколько я понимаю, не существует и не может существовать ни некоей «законченной» теории смысла, ни «законченной», завершенной в себе теории логики. Это было бы противоречием в понятии. Когда речь идет о «разработке» теорий логики в их сопряжении с теориями смысла, то имеется в виду самостоятельная разработка этих логико-смысловых сцеплений, которую должен быть способным проделать всякий, кто претендует на умение самостоятельно философствовать. Невозможно *содержательно* иметь дело ни с готовыми смыслами, ни с готовой логикой. Жизнь логики, как и жизнь смысла, заключается в необходимости с самого начала порождать их. Именно этим всегда и занималась поэзия, высокая наука, философия. Готовыми смыслами оперирует лишь желтая пресса, идеология и демагогия. Однако этим возвращением к началу – для того, чтобы утвердить смысл как смысл, логику как логику, слово как значимое слово – исконно, осознанно и целенаправленно занималась преимущественно философия. Поэтому данную тему, равно как и нашу работу, имело бы смысл завершить знаменательным пассажем из книги А.В.Ахутина «Тяжба о бытии»; его рассуждения о существе философского мышления послужили бы

[36] То, что переведено словом «вытекает», буквально означает «сопутствует» (συμβαίνει).

заодно прояснению вопроса о том, почему подлинная теория смысла, равно как и теория логики, может разрабатываться только на путях предельного философского вопрошания.

«Вопрос о началах, когда он радикальный, т. е. философский, обращен к тому началу, где *еще нет* никаких начал, ни самоочевидных, ни проблематичных. Где неизвестно, как возможна очевидность и как ставятся проблемы… Если философия есть по сути своей вопрос о начале мысли бытия, она развертывает логику и онтологию как форму возвращения к началу. Где все только начинается, может начаться. Где все еще возможно. *Где все необходимости – логические, онтологические, теологические, технологические – выходят из своих предопределенных ходов и сходятся на философский суд, принужденные задаться одним вопросом: как вообще возможна необходимость* (курсив мой. – *К.П.*), откуда она пошла, каким *ходом* она находится и пускается в ход? Что, если возможны разные необходимости: у Аристотеля одна, а у Декарта, скажем, другая? Ведь Декарт и впрямь начинает все дело мысли как бы с самого начала. И не начинает ли с самого начала каждая философия? Не есть ли философия вообще тот оборот мышления, когда оно начинает все свое дело с самого начала и ведет его по-другому, по-своему?»[37].

[37] *Ахутин А.В.* Тяжба о бытии. М., 1996. С. 281.